

БОЛЬШИЕ РЫНКИ ПАРИЖА

Никита Сарников

Как и сейчас, тысячу лет тому назад торговля в Париже была очень активной. Свои небольшие рынки были при аббатствах — монахи продавали то, что выращивали на своей территории. Бойким торговым местом всегда были мосты, почти при каждом церковном приходе были свои рынки по воскресеньям. Эта традиция в провинции сохранилась до сих пор.

Ремонт Больших рынков Парижа. Разгар работ. На заднем плане центр Ж. Помпиду. Фотография сделана в один из дней, когда там проходила выставка Сальвадора Дали. 2013

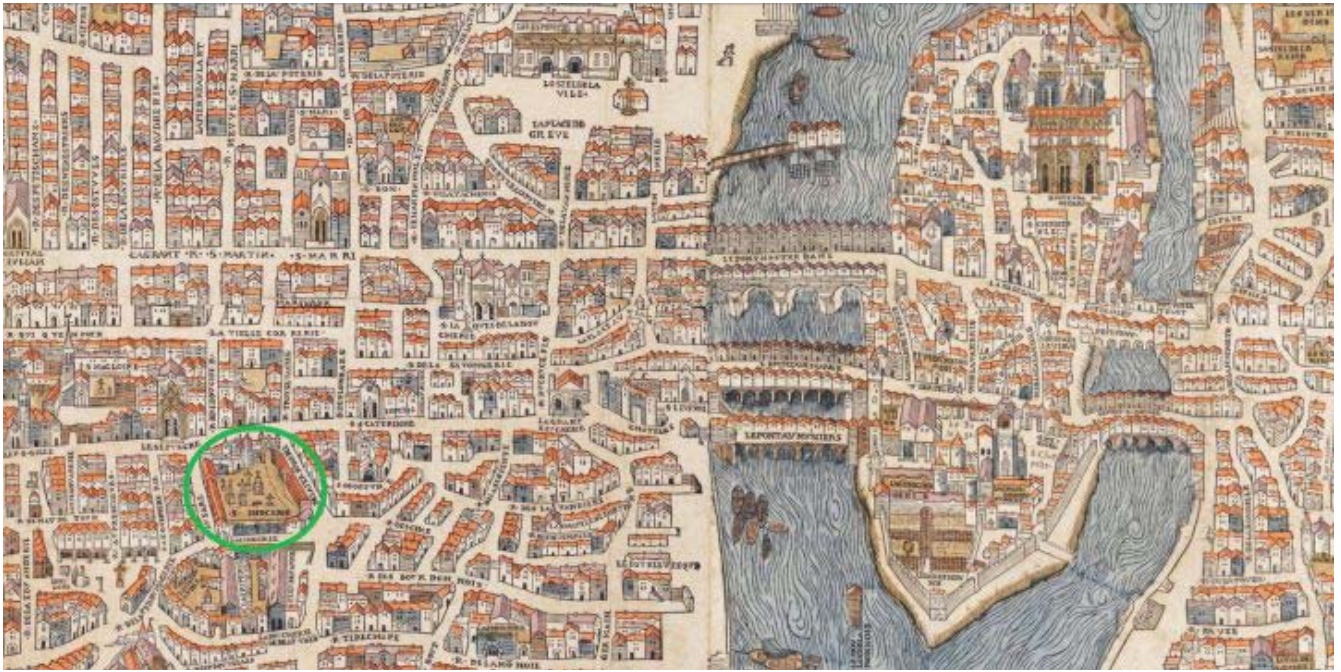
В Париже было немало рынков в самых различных их формах — и узаконенных, и импровизированных, но как то ни странно и ни удивительно, их история осталась за пределами внимания исследователей жизни Парижа. Нет ни одного крупного труда на эту тему. Впрочем, это не удивительно. Сравнительно недавно исследователи подсчитали, что

короли Франции проводили в Париже в среднем около 15–20% своего времени. Поэтому мелкие подождут, а вот больше Большие рынки Парижа — Les Halles de Paris — это совсем другое дело. Им по праву уделяется основное внимание, поскольку их существование было связано с жизнедеятельностью Парижа в прямом смысле этого слова.

Место, где возник рынок, ставший впоследствии «Чревом Парижа», парижане называли Шампо (Champreaux), что ближе всего к понятию «поля» или «поляны». Не исключена и этимологическая связь с довольно распространенным римским названием villa Campellis. Так же называлось и небольшое селение, там расположенное.

Это пространство на север от Парижа — от Иль-де-ла Сите — имело несколько преимуществ с точки зрения торговцев. Первое: оно было расположено в месте, которое не заливалось водой при парижских наводнениях (это 33–35 метров над уровнем моря). Второе: оно было расположено на пересечении двух основных дорог, ведущих в Париж в те времена. Это дорога из аббатства Сен-Дени в Париж (ось север-юг) и улица Сент-Оноре (ось запад-восток). Торжественная процессия въезда королей в город всегда проходила по улице Сен-Дени, ведущей от собора Сен-Дени. Это своего рода corda и decumanus, — только средневековые. Приблизительно с 1150 года на том месте находилась церковь Невинных и большое клад-

План Парижа
1550 года

бище, также называемое кладбище Невинных (cimetière des Saints-Innocents).

Первоначально торговать начали на кладбище, а точнее на той его части, где находились общие могилы. С постройкой стены Филиппа Августа это пространство приобрело еще одно очень важное качество в глазах торговцев — безопасность. Кладбище Невинных оказалось *intra-muros*!

На плане Парижа 1550 года оно отмечено кружочком.

Тут Сена течет сверху вниз, а не справа налево, как мы привыкли на современных картах. Дело в том, что с начала крестовых походов карты ориентировались в направлении «запад-восток», поскольку они указывали путь к гробу Господню. Карт вообще тогда было не так уж и много, и они не были в общем пользовании. Очень красноречиво об этом рассказывалось на выставке «Путешествия в Средние века» в музее Клуни.

На плане видно, что кладбище окружено стеной. С момента ее сооружения это стало дополнительной мерой безопасности и важным структурным элементом будущих рынков. Многие палатки или импровизированные прилавки торговцев на эти стены, так сказать, «опирались».

Вообще же средневековое кладбище вовсе не было только лишь грустным и мрачным местом скорби. Горожане там с удовольствием прогуливались, поскольку прогулки за пределами городской стены были небезопасными. «Гуляй во дворе», — говорят мамы детям. Вот «во дворе» парижане и гуляли, причем не просто прогуливались беззаботно...

По сведениям историка Филиппа Арреса, автора книги «Человек перед лицом смерти», в период с XIII по XV века городские духовные власти Парижа были вынуждены регулярно издавать указы приблизительно следующего содержания: «...на кладбище запрещается танцевать и играть в азартные игры, запрещается выступление бродячих актеров, запрещаются народные праздники под музыку, а также шарлатаны и другие подозрительные личности».

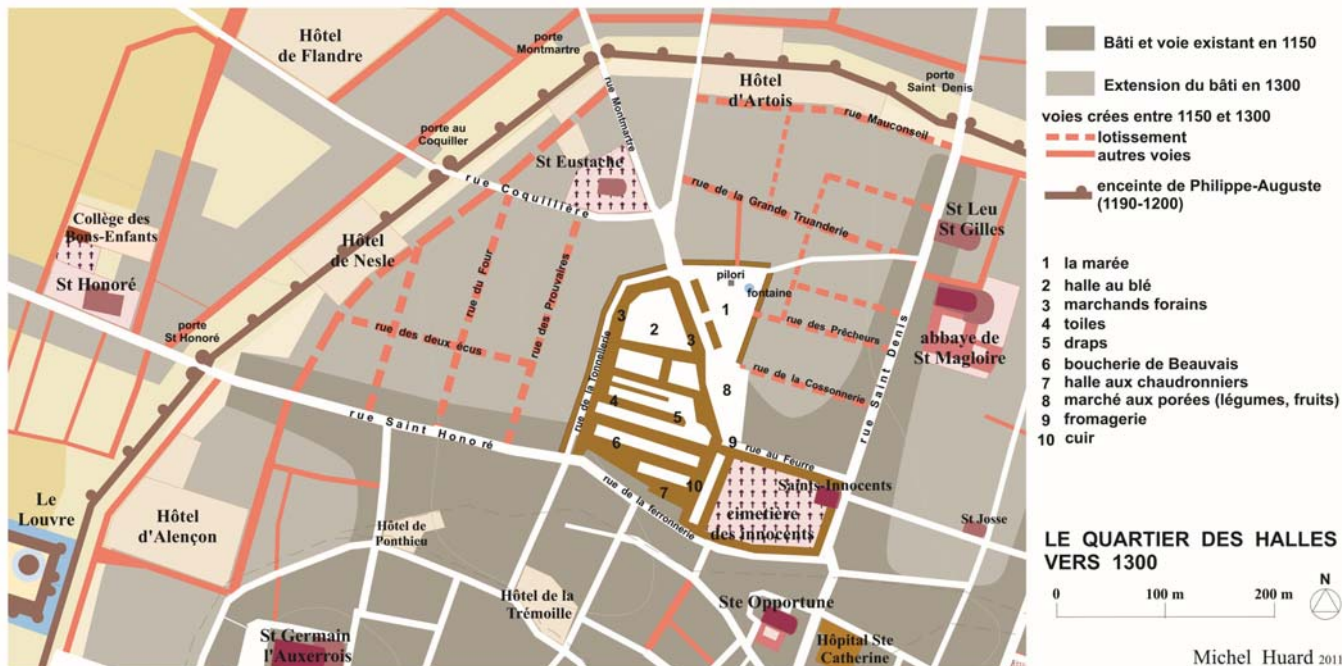
На этом фоне мирная и спокойная торговля выглядела почти богоугодным занятием.

На кладбище Невинных продавали все, но поначалу специализировались на тканях, книгах, железной утвари и зерне. Это днем. А ночью там царили проститутки (приблизительно как сейчас в Булонском лесу: днем — тишь и благодать, а вот ночью...). Очень ярко об этой особенности парижских кладбищ пишет Жюль Мишле в четвертом томе Истории Франции.

Еще одна важная деталь жизни кладбища Невинных и средневековых кладбищ вообще: как и церковь или собор, кладбище было местом, где соблюдалось право на убежище. Беглые люди, следовательно, могли там находиться, не опасаясь преследования со стороны властей. Возникновение «дворов чудес» именно на кладбищах отчасти объясняется этим же обстоятельством, хотя основная их часть все-таки располагалась в других местах.

Кладбище Невинных, как и большинство других парижских кладбищ, прекратило свое существование незадолго до Французской революции, когда все останки были перенесены

План Рынков около
1300 года

в Катакомбы. В 1784 году на его месте был открыт рынок Невинных.

Словом, условия для того, чтобы на этом благословенном Богом месте процветала торговля, были и они были очень благоприятными.

LES HALLES

При Филиппе Августе, который в 1222 году предпринял неудачную попытку закрыть кладбище, почти одновременно с постройкой стены вокруг Парижа были построены и первые помещения, предназначенные специально для торговцев les Halles. Они находились по соседству с кладбищем и были, как и большинство тогдашних построек, деревянными.

Само слово — les Halles применительно к торговым помещениям начали использовать именно тогда — и не только в Париже, но прижилось оно там.

Таких или приблизительно таких les Halles по Франции осталось немало. Их можно встретить в некоторых провинциальных городах, где они и теперь играют роль рынка, а заодно и главной достопримечательности городка. Очень известен крытый рынок в Онфлере, в форме перевернутого корпуса корабля, или в Милли-ля-Форе на полпути по дороге из Парижа в Фонтенбло, один из самых старых.

Les Halles... Схожие слова встречаются во многих европейских языках и почти везде в приблизительно одинаковом значении — некое просторное помещение, предназначенное для чего-то. Это, например, хорошо известные производные и заимствования в русском язы-

ке — «холл» и «зал», попавшие туда не из французского, а весьма замысловатыми другими путями. Во французском языке семантическое поле этого слова довольно узкое. Считается, что оно сложилось в старофранцузском от сращения кельтского слова halle с латинским словом aula — двор.

В значении крытое место для хранения товара и торговли слово les Halles и сейчас используется в современном французском языке. Редко оно используется в значении «просторное помещение», «рабочий цех» или «холл» (вестибюль). Французский язык в этом случае предпочитает английский вариант, но, как водится, без соответствующей фонемы «h», и у французов фонетически получается «ле оль». Это слово, впрочем, сейчас — архаизм, полностью вытесненный словом espace, еще недавно бывшим неологизмом французского языка.

По этой причине понятие les Halles на русский язык стараются не переводить. В противном случае слишком много возникает двусмысленностей и пишут просто — Ле Аль, как пишут Гран Пале или Пале Руайль, или имена собственные, или некоторые другие названия, переводить которые на русский язык в силу отсутствия соответствующего понятия в русской культуре смысла никакого нет. Большую роль в таком выборе играет и сложившаяся лингвистическая традиция.

Да и русский язык сейчас на этот счет не сомневается и не рефлексировать, а смело берет английское слово и трендит о брендах в свое удовольствие.

Мы же будем использовать термин Большие рынки Парижа, тем более что в определенный момент их истории в русском языке существовал этот термин, пока его не вытеснило название романа Эмиля Золя «Чрево Парижа».

Следует подчеркнуть, — Большие рынки Парижа — сохраняя множественное число.

ТОРГОВЛЯ

Слово Les Halles было зафиксировано французскими словарями с 1610 года, когда словари и начали составляться (еще до Фюретьера). Словари ссылались на его появление в патентных письмах, разрешающих строительство halle aux blés — рынок для зерна, halle aux huîtres (устриц), halle aux cuirs (кожи), halle aux vins (вина).

Позднее были построены другие «ангары» (это слово иногда используют в качестве синонима). La Halle au blé et aux farines (зерно и мука, построен в 1762 году), La Halle aux cuirs (кожа, самый старый, построен еще при Людовике Святом, перенесен в другое место, rue Mauconseil, сгорел в 1906 году), La Halle aux draps (полотно), La Halle aux gibiers (дичь), La Halle aux herbes (травы) и т.д. В Средние века существовала своя иерархия мяса животных, употребляемых в пищу. Те животные, что жили ближе к небу, то есть — к Богу, — считались «чистыми, а вот те, что жили ближе к земле, уже считались менее чистыми. Птицы с этой точки зрения — это самая «чистая», почти божественная еда. Появление отдельного рынка для дичи объясняется именно этой концепцией.

А вот любители кладбищенских историй докопались до забавных лингвистических

фактов: для обозначения места для продажи товаров на кладбище использовали уже имеющееся в обиходе слово «общая могила» (charnier). Всего их было четыре на кладбище Невинных: захоронение Богоматери (или малые захоронения), Большое захоронение Grand charnier. Наряду с ними существовали: «захоронение» писателей (Charniers des écrivains) и «захоронение» тканей или белья (Charnier des lingères).

Почему писателей — поскольку на могилах свои услуги предлагали также и переписчики — écrivains publics. Смысл слова «общая могила» таким образом стирался, уступая место новому смыслу — рынок. Впрочем, продлилось это недолго.

Тогда же возле уже бывшего кладбища и оформившегося рынка поставили позорный столб, который существовал на этом месте вплоть до Французской революции — с XIII по XVIII века. Это приблизительно на углу теперешних улиц Рамбюто и Мондетур. К нему привязывали провинившихся: базарных жуликов, обвешивающих, обмеривавших торговцев, продающих некачественный товар, а также богохульцев, сутенеров и так далее. На два часа в день. В течение трех базарных дней. Все на них смотрели с осуждением и выражали негодование в вольной форме, но до смерти доводить не позволялось. Палач жил в соседнем доме и строго следил за правилами приведения наказания в исполнение.

Сейчас от тех времен не осталось ничего, кроме названия — les Halles. Кости — в катакомбах, фонтан был перестроен и передвинут, но торговля по-прежнему процветает. Призрак смерти, который постоянно витает над этим местом, помешать никак не может. К тому же мало кто о нем помнит и вообще придает какое-то значение.

Сейчас les Halles — крупнейший парижский транспортный узел — главная развязка метро и пригородных поездов. Собственно, для строительства станций линий пригородного сообщения RER «Чрево Парижа» снесли и переместили в пригород. Сейчас это крупнейший торговый и культурный центр Парижа — до 800 000 посетителей в день. Прекрасный бассейн, пара кинотеатров, музеи, крупнейшая фонотека и, конечно же, магазины. Все это находится под землей — на пяти, а в некоторых случаях и шести уровнях.

Все это внизу опоясывает малая окружная подземная дорога и автостоянки и так далее, а потому право носить свое название «Чрево Парижа» это место полностью сохранило. Когда бывший мэр Москвы Юрий Лужков

увидел «современное Чрево Парижа», он был так поражен, что решил и в Москве построить нечто подобное и построил, правда, за отсутствием тысячелетнего исторического контекста, получилась милая пародия, но вполне достойное место для того, чтобы проводить время.

А когда история Чрева Парижа только начиналась, с точки зрения властей, это торгово-погребальное место быстро приобрело новые смысл и значение. Первоначально оно находилось в ведении епископа Этьена из Санлиса, личности весьма примечательной, уже потому, что в 1123 году он стал парижским епископом. Он был первым, кто попытался навести на кладбище Невинных хоть какой-то порядок. Приказал вырыть ров, который бы отделял торговое пространство от собственно кладбища. Эффекта он, надо думать, не достиг, поскольку в исторических хрониках об этом ничего не говорится. Правда, ров, который епископ приказал вырыть, — *fossé du Champeau*, — упоминается. В будущем именно это и стало основой для разделения пространства на торговое и погребальное.

Именно с этого момента следует вести историю *Les Halles de Paris*, поскольку кладбище продолжало существовать по своим законам, само по себе, а рынки стали постепенно развиваться сами по себе на пространстве на юг от кладбища — там, где они находились потом очень долго, — до второй половины XX века. Причем, история рынков и кладбища переплетается.

Никогда не удивлял пронизательного читателя вид этого кладбища? Две–три могилы и три–четыре группки людей, а где же над-

гробия и кресты как сейчас? А их нет. Могилы — общие...

Епископ Этьен из Санлиса обложил торговцев первыми налогами, но очень быстро отдал все свои права королю Людовику VI, которому приглянулось новое доходное место. Король приобрел его в 1137 году, чтобы продавать там свое зерно из города Бос. До этого времени оно продавалось на небольшом рынке на острове Сите. Одна треть от продаж шла в королевскую казну, а рынок получил статус королевского.

Этот поступок короля заложил еще одну особенность *Les Halles de Paris* — это были по большей части оптовые рынки, хотя на первых этапах там торговали ремесленники. Чтобы стимулировать их работу, одно время даже существовал закон, обязывающий их закрывать свои мастерские на два или три дня в неделю (базарные дни) и продавать свои изделия на *Les Halles de Paris*.

Далее это место стало очень активно развиваться. В 1141 году Людовик VII переносит в Шампо так называемый «королевский рынок», бывший ранее на площади перед парижской мэрией. Филипп Август переносит туда рынок монастыря и больницы Святого Лазаря в 1181 году, а через два года строит два внушительных каменных здания для торговцев тканями. К тому времени город уже окружен стеной, а Шампо находится внутри стен, что очень важно с точки зрения безопасности и потому поднимает его престижность и его значение. В 1222 году Филипп Август становится единоличным владельцем и строит еще два помещения, захватывая соседние улицы. Процесс сопровождается изгнанием с этой территории евреев.

Тогда слово *les Halles* (во множественном числе) укореняется в парижской лексике. Оно применяется к уже многочисленным постройкам, которые там находятся. Торговля идет и на соседних улицах, а также на части территории кладбища Невинных, хотя его основное предназначение — быть кладбищем — сохраняется и доминирует. Власти стараются, чтобы торговля и захоронения не противоречили друг другу, но получается это далеко не всегда.

На кладбище выступают предсказатели, по ночам там царят нищие и бродяги («дворы чудес»), а на стене возникает знаменитая роспись *La Danse macabre*, которую все хотят увидеть. Роспись была сделана по просьбе герцога Беррийского, брата Карла VI в память о Людовике Орлеанском, убитом в 1407 году на Старой улице Храма. Это место час-

Последние опоры рынков на ул. Тоннельри. Фото Шарля Марвиля. 1866 г.

то показывают туристам, которых водят по кварталу Маре.

К 1320 году торговцы снова частично захватывают кладбищенское пространство.

В зависимости от политических неурядиц, войн, засухи, голода, чумы или других напастей самый крупный рынок Парижа переживает взлеты и падения. К XVI веку, например, «королевский рынок» вообще был почти разрушен.

Первая крупная перестройка рынков произошла при Франциске I.

Последние работы шли с 2012-го по 2017-й и стоили по смете 2011 года 802 миллиона евро. В действительности было потрачено гораздо больше.

В 1543 году Франциск I начал большую программу по переоборудованию этого Рынка. В первую очередь, по его приказу мостят улицы и сносят часть стены Филиппа Августа, строят новые помещения. Работы шли до 1560 года. Тогда оформилась Квадратная площадь — La place Carrée, которую потом стали называть просто Carrée des Halles.

К некоторым из них применяют термин «ангары» (hangar). Это были торговые галереи с арками. Арки поддерживали массивные опоры piliers des Halles. Piliers — опоры, а в некоторых случаях — колонны. В контексте

Парижа так называли и просто колонны, которые поддерживали арки домов. Помещение Парижской мэрии, например, называли Дом с колоннами. При строительстве павильонов Бальтара почти все они были снесены.

Современник Жиль Коррозе (Gilles Corrozet, 1510–1568) так описывал изменения, произошедшие на Больших рынках: «В то время все постройки больших рынков были снесены, обновлены или отстроены заново. Парижские буржуа, купившие руины, построили красивые особняки и дома».

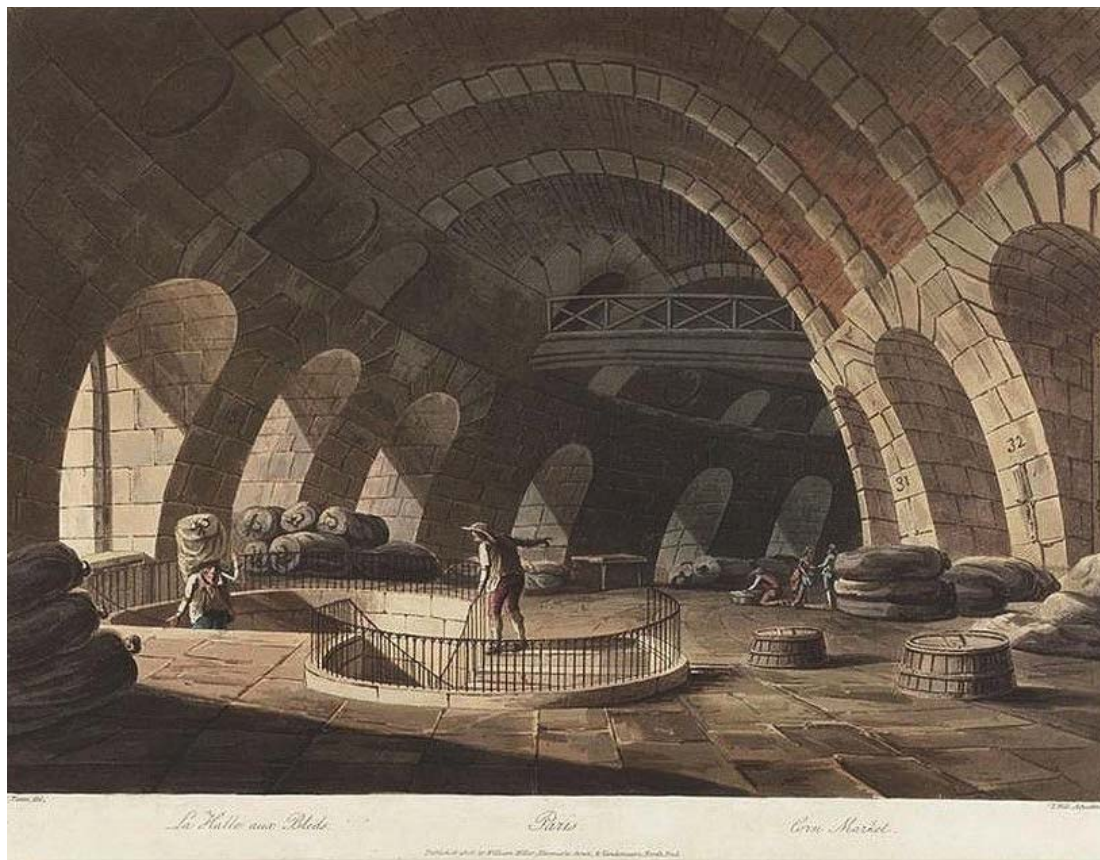
При Людовике XIV это уже «самый богатый рынок в мире, где можно найти все приятное и полезное, что дает вода и земля человеку — это и сад, и склад, и хранилище».

Даже Себастьян Мерсье, при всей его критичности описаний и взгляда на жизнь Парижа, восторгается атмосферой Больших рынков. Особенно его удивляет то, что в суматохе и неразберихе, «ни одно яйцо не было разбито». Во второй половине XVIII века, почти накануне Французской революции, Большие рынки Парижа активно расширяют, чему способствует снос отеля Суассон.

В 1767 году архитектор Николя де Мезьер сооружает ультрасовременное по тогдашним критериям здание оптовой продажи зерна,

Оптовый рынок
зерна Николая де
Мезьера

поскольку оно было крытое и торговать можно было и в плохую погоду. Это здание сохранилось — это La Bourse de commerce de Paris (перестроенное в 1811 году и ставшее биржей в 1889 году). Наполеон I вел расширение Больших рынков под девизом: «Хочу, чтобы рынки стали Лувром народа».

Когда в 1823 году было застроено последнее открытое пространство рынков — Каре Рынков, — рыночная площадь, — то проблема скученности, заторов и перегруженности стала проявляться все острее и острее.

Уже при перестройке Парижа Османом встал вопрос о том, чтобы вынести оптовые рынки за черту города, но тогда вопрос был решен в пользу традиций, поскольку менять свои привычки, несмотря на шум, суматоху, многочисленные неудобства передвижения (все улицы были заполнены повозками и т.д.) парижане не хотели. Перестройкой рынков занимался Виктор Бальтар. Работы шли в течение 30 лет.

В конечном же итоге, после сноса павильонов Бальтара оптовый рынок Парижа (его «чрево»), переместился в пригород Ренжис.

Новое — Форум рынков (Le Forum des Halles) был торжественно открыт в 1979 году.

На месте Форума Рынков уже выстроен новый архитектурный ансамбль — Канопе — la Canopée (сапорée — верхняя часть тропичес-

кого леса, его крона), правда, термин приживается с большим трудом и фактически его никто не использует. Для парижан все это по-прежнему — les Halles.

Торговля в этом месте процветала, процветает и будет процветать. О трагическом времени переезда парижских торговцев в Ренжис и сносе павильонов Бальтара напоминает инсталляция в церкви Сент-Эсташ, а по сути часовня, существующая теперь почти на равных правах с могилой Кольбера, например.

Большие рынки Парижа неразрывно связаны с именами Виктора Бальтара и Эмиля Золя. Именно Золя наделил рынки эпитетом «чрево Парижа». Следует отметить, что перевод несколько стилистически приподнят по сравнению с оригиналом, где звучит скорее «живот» или даже «брюхо», но никак не патетическое «чрево». Напомним, что в одной из первых глав романа изобилие рынков описывается через призму взгляда голодного человека, сбжавшего с каторги.

Архитектор Виктор Бальтар родился в Париже 10 июня 1805 года, скончался 13 января 1874 года в Париже. С 1849 года он занимал пост главного архитектора Парижа.

В 1972–73 годах его творение — Большие рынки Париже — были снесены, чтобы расчистить место для строительства станции

Скульптура (на
правах часовни)
в Сент-Эсташ в
память о торговцах,
вынужденных
покинуть Большие
рынки Парижа после
сноса павильонов
Бальтара

пригородных поездов высокой скорости (RER). Исключение составил только один павильон, который, благодаря энтузиазму одного англичанина, любителя старой архитектуры Парижа, был перенесен в пригород Парижа Ножан-сюр-Марн. Павильон Бальтара занесен в список Исторических памятников Франции. Он используется как павильон для съемок телевидения и как выставочный зал.

Остались в районе бывших рынков и некоторые другие приметы парижских традиций, связанных с образом жизни торговцев Рынков. Это несколько ресторанов и бистро, среди которых, например, Cochon à l'Oreille (15, rue Montmartre, 75001). Особенностью рынков был их ночной образ жизни. Иногда в литературе о жизни Парижа второй половины XIX века рассказывается, как после представления в опере, или бала, или маскарада, богатая и чистая публика, чтобы как-то по-особенному завершить вечер, «едет в народ». Они едут в район Больших рынков, где в это время — приблизительно после полуночи, — жизнь только начинается. Одним из блюд, которое было широко распространено, был простой, но питательный бульон.

С одной стороны, Виктор Бальтар, будучи учеником Энгра и Фландрена был склонен к декоративности и участвовал в работах по

декорации многих парижских церквей, а, с другой стороны, щедро используя в своих архитектурных замыслах лучшие технические достижения своего времени, он стремился придать столице Франции новое лицо.

Его заслуга в этом так же велика, как и заслуга перфекта Парижа барона Османа, руководившего перестройкой Парижа в середине XIX века, того Парижа, который мы видим и сейчас. Именно барон Эжен Осман, сказав при выборе проекта о «зонтиках, необходимых Парижу», определил характер проекта будущего «Чрева Парижа».

Другая часть работы Виктора Бальтара была связана с реставрацией парижских церквей, среди которых церкви Сен-Жермен-л'Осеруа, Сент-Эсташ, Сент-Этьен-дю-Мон, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Северин и Святого Павла Отшельника. Следует также отметить и другое здание, сохранившееся до наших дней — это скотобойня в районе Ла Виллет. Она была построена учеником Бальтара Жюлем де Мериндом, который применил при строительстве все принципы, использованные учителем.

P.S. Автор статьи скончался в Париже в сентябре 2018 года. **ИБ**